

КОГДА она надела ватные брюки, телогрейку, перчатки «без пальцев», покрыла голову рваным платком, а художник-гример сделал ей мешки под глазами и скорбную складку у рта, мне показалось, что сценарий «Военно-полевой роман» написан специально для нее, что именно такой должна быть моя героиня — Люба Антипова — старшина санитарно-дегазационной роты, наша фронтовая «королева».

В первый же съемочный день, когда была разбита бутылка шампанского и снят первый кадр фильма, глядя на замерзшую Наташу Андрейченко, на ее посиневший от холода кончик носа, на пальцы с ободраным маникюром, сжимавшие заиндеветый стакан, глядя на ее счастливые глаза, я понял — это удача. Попадание, как говорится, в «десятку».

Актриса, снимаясь к тому времени уже в семнадцати фильмах, здесь вдруг почувствовала себя начинающей, с таким трепетом и волнением приступила она к работе над ролью.

В этой картине ей нравилось все: роль, партнеры — Инна Чурикова и Николай Бурляев, атмосфера на съемочной площадке — спокойная, деловая. Андрейченко полюбила свою героиню, зажила жизнью фронтовички, с которой судьба обошлась так несправедливо. Казалось, что в конце смены Наташа неохотно расстается с гимнастеркой и сапогами, с телогрейкой и валенками.

Еще раньше, когда Наташа только прочла сценарий, я спросил:

— Как же вы будете сниматься? Ребенку всего полтора месяца?

— Это моя проблема, — сказала она. — У меня бабушка, мать, отец, муж, наконец...

И началось: после десятичасовой смены на морозе Наташа летела в Долгопрудный — как там Митенька? К двенадцати ночи возвращалась в Москву, ведь завтра к семи утра надо быть «на гриме», к восьми — «на костюме», а в девять утра уже на съемочной площадке.

Она работала, работала, работала... Ей хотелось создать многомерный портрет женщины тех послевоенных лет, почувствовать, догадаться, чем жила люди в трудные, но победные и потому счастливые годы. У Андрейченко есть удивительное, редкое для актеров качество — чувство времени. Это особый дар, способность, подвластная не каждому, — говорить о временах, которых не видел, чувствовать эпоху, которая ушла.

Однажды Наташа прочтала мне несколько строк стихотворения Ярослава Смелякова. Вот они:

...Сняли вы бушлаты
и шинели,
Старенькие туфельки надели.
Мы еще оденем вас
шелками,
Плечи вам согреем соболями.
Мы построим вам дворцы
большие,
Милые красавицы России.
Мы о вас напишем
сочиненья,
Полные любви и удивленья.

— Ведь об этом вы написали сценарий? — сказала она.

Впоследствии я как-то спросил Наташу, как ей удавалось так долго, буквально по несколько дней сохранять возбужденное состояние, будто нерв какой-то оголился.

Наташа улыбнулась, ответила:

— Сын Митя. Первые дни чуть с ума не сходила. Как только выдавалась свободная минута — бежала к телефону-автомату звонить. Сердце вылетало. Шутите — женщина-мать фактически бросила ребенка! Вам этого не понять.

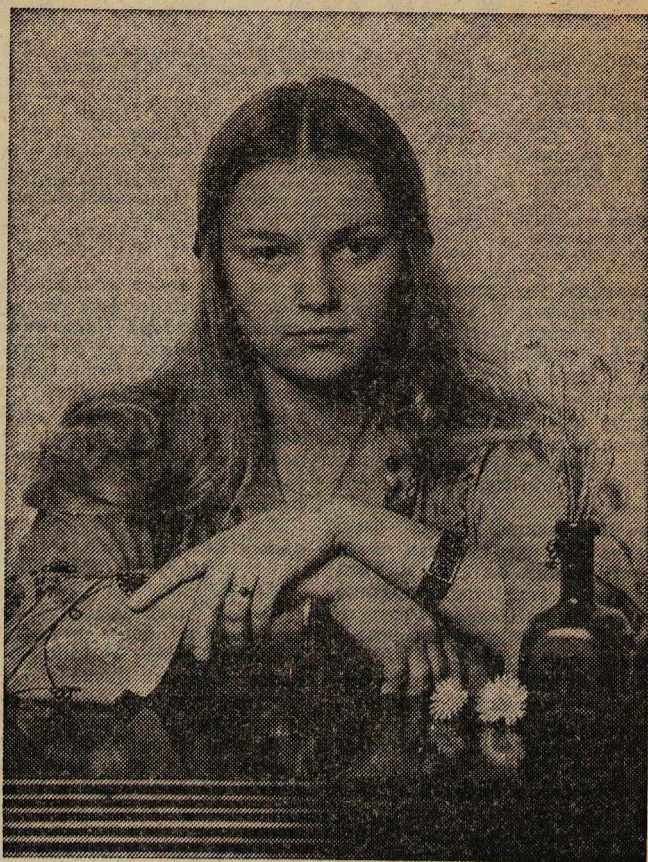
Изо дня в день актриса становилась все требовательнее. Она полностью соответствовала авторскому замыслу — и внешностью, и манерой держаться, и способом выражать свои чувства, и даже своим характером — добрым и открытым.

Чем дальше мы уходили «в глубь» нашей истории, тем яснее становилось, что Андрейченко — актриса еще не раскрытых возможностей. Она музыкальна и пластична, ей подвластны и драма, и комедия...

...Это было совсем недавно. Наташа готовилась поступать в МГУ на филологический факультет. Естественно, читала стихи на школьных вечерах, окончила музыкальную школу...

Решение стать актрисой

ЛЮДИ ИСКУССТВА

ЕЙ МНОГИЕ РОЛИ ПОДВЛАСТНЫ

Петр ТОДОРОВСКИЙ,
заслуженный деятель искусств УССР

возникло вдруг. Мама ничего против не имела. Наташа шла в Щепкинское училище, не сомневаясь, что поступит. Шла спокойная и уверенная. И на первом же туре... провалилась «с треском».

Но не сдалась. Пошла во ВГИК. Там на ее счастье один абитуриент операторского факультета уговорил Наташу позировать ему для вступительных работ. На следующий день он принес Наташе пять фотоснимков, на которых было пять разных лиц. Сергей Федорович Бондарчук, набравший тогда курс, долго рассматривал эти фотографии, молча переглядывал в руках и... поверил.

Так Наташа Андрейченко поступила на актерский факультет ВГИКа, в мастерскую Бондарчука.

— ВГИК — моя главная и первая школа, — вспоминает Наташа. — Это незабываемые встречи с Сергеем Федоровичем Бондарчуком, когда каждое занятие с ним было для нас, студентов, праздником. До сих пор вспоминается его интереснейший разбор чеховской пьесы «Вишневый сад». Мне всегда казалось, что Сергей Федорович мог бы быть и замечательным театральным режиссером. Я благодарна судьбе, что снялась у своего учителя в фильме «Степь», где сыграла «девку на возу», пусть маленькую, но интересную роль.

А первая в жизни съемка была на «Ленфильме» у режиссера К. Ершова в фильме «Степанова памятка», сценарий которого написал Глеб Панфилов по сказам Бажова.

— Роль сказочная, — говорит Наташа, — и очень трудная. Сказка-то сказка, а человека надо играть живого, узнаваемого...

Потом встречи с такими интересными режиссерами, как Г. Егиазаров («Коней на переправе не меняют»), Б. Яшин («Долги наши»), В. Денисенко («Женщины»), С. Самсонов («Торговка и поэт»). Об этих картинах в свое время писали, неизменно выделяя игру Наташи. Не стану брать на себя роль запоздалого рецензента. Лучше скажу еще о ней — сегодняшней.

Только что Наташа Андрейченко снялась в главной роли в фильме режиссера Л. Квинихидзе «Мэри Поппинс».

Она давно мечтала о картине музыкальной, не о той, где много музыки, а где музыка являлась бы необходимой, была бы частью драматургии главного героя. Чтобы зритель, невольно напевая главную тему фильма, мысленно вернулся к созданному на экране характеру.

В картину ей пришлось входить с ходу, когда уже шел съемочный период. Без подготовки, параллельно со съемками необходимо было разучить танцы, вникнуть в суть создаваемого образа.

— «Мэри Поппинс» — моя

большая радость, — говорит Наташа. — Это картина о добре. Моя героиня инопланетянка, но она, может быть, самая земная. Она ведь не знает, что такое ненависть, зло, зависть. И на Земле она открывает для себя огромный мир добра.

Прежде чем закончить этот очерк, я поговорил со своими коллегами-режиссерами, у которых снималась Наталья Андрейченко.

Вот что они сказали:

Г. Егиазаров. — Вдумчивая, последовательно развивающаяся роль актриса. Рад, что снимал ее, когда Наташа была еще студенткой, в своем фильме «От зари до зари». Это наша первая встреча. В моем фильме «Коней на переправе не меняют» Андрейченко сыграла большую, психологически сложную роль.

Л. Квинихидзе. — На редкость одаренный человек. Удивительно музыкальна. Внутренняя музыкальность помогает ей успешно работать в других жанрах. Актриса самая современная, профессиональна не только в кадре, но и за кадром — самым серьезным образом относится к чтению сценария, репетициям, самоподготовке.

Б. Яшин. — Наташа начала сниматься в фильме «Долги наши», будучи еще студенткой дипломного курса ВГИКа. Играла она роль Верки, дочери героя фильма Ивана Крутова. Были в этой роли эпизоды и лирические, и драматические. Но не секрет, что наиболее трудными для актеров кино подчас являются эпизоды немые: крупные длинные планы без текста. Такой эпизод был у Натальи. И, на мой взгляд, она проявила в нем высокое профессиональное мастерство. Навсегда уезжает отец. Она смотрит вслед уходящему поезду. В ее взгляде и боль, и прощание, и благословение. Надеюсь, нашей совместной с Наташей работой удалось что-то добавить к экранному разговору на неисчерпаемую тему — Женщина. И теперь к «своим» актрисам Валентине Теличкиной и Людмиле Зайцевой я причисляю и Наталью Андрейченко.

С. Самсонов. — Когда Наташа появляется в кадре, она становится его частью, совершенно необходимой, без которой все рухнет. Приходит в павильон, садится за стол, снимает платок, и такое создается ощущение, что здесь она жила сто лет. Она часть самой природы. Возьми, отними эту часть — и что-то нарушится.

Наташа Андрейченко на взлете. Жадно вчитывается в каждый сценарий, надеясь найти для себя что-то еще не сыгранное, чтобы было что сказать людям.

● Актриса Н. Андрейченко.

Фото В. Плотникова.